

**Владимир Парамонов
Олег Столповский**

Интересы безопасности Китая в Центральной Азии

Май 2008

Интересы безопасности Китая в Центральной Азии

Владимир Парамонов и Олег Столповский

Основные положения

- * Резкое изменение геополитической конфигурации в Центральной Азии (ЦА) и вокруг нее, вызванное распадом СССР, в значительной степени стало неожиданностью для Китая. С одной стороны, появление новых независимых государств открывало перед Китаем возможности в плане расширения своего присутствия на глобальном и региональном уровнях. С другой стороны, принципиально иная расстановка сил в мире, в том числе в ЦА, способствовала появлению новых угроз интересам безопасности Китая.
- * В начале 90-х годов XX века в Пекине еще не сложилось целостное системное представление о регионе и его потенциале. Но в любом случае в Китае понимали, что только лишь конструктивное сотрудничество с государствами ЦА является залогом региональной безопасности.
- * Первоначально основной акцент в развитии сотрудничества Пекин сделал на решении проблем, унаследованных от китайско-советского периода отношений и проявившихся в результате дезинтеграции Советского Союза. Осторожная и одновременно настойчивая политика позволила Китаю к середине 90-х годов добиться выгодного для себя решения целого ряда вопросов.
- * Однако, уже в конце 90-х годов нарастает негативное воздействие новых угроз, связанных с военно-политической нестабильностью в Афганистане. В этой ситуации Пекин выступил за развитие еще более активного сотрудничества с государствами ЦА. При этом Китай попытался взять на себя роль некоего внешнего гаранта формирования системы региональной безопасности, сделал ставку на стратегический тандем с Москвой, которая, в отличие от Пекина, имела уникальный исторический опыт присутствия в регионе.
- * События 11 сентября 2001 года и последовавшее масштабное усиление военно-политического присутствия США вновь изменило расстановку сил в регионе и вокруг него в невыгодном для Китая плане. После выработки соответствующих концептуальных решений Пекин значительно активизировал попытки укрепить стабильность и усилить свое влияние в регионе. При этом основной акцент был сделан во многом именно на экономическую составляющую отношений.
- * В целом динамика ситуации в ЦА и вокруг нее обуславливает постоянную корректировку Китаем критериев оценки возникающих в регионе угроз своим интересам и, соответственно, алгоритмов реагирования на них. Сегодня Пекин по-прежнему рассматривает регион не только в плане поиска возможностей для укрепления своих позиций, но и с точки зрения необходимости адекватного реагирования на реальные и потенциальные угрозы своей безопасности.

Содержание

Введение	1
1. Фактор распада СССР	1
Неурегулированность погранично-территориальных вопросов	2
Высокий уровень военного присутствия	2
Активизация уйгурского сепаратизма	2
Политика Китая в сфере безопасности	3
2. Фактор нестабильности в Афганистане	5
Активизация международного терроризма	6
Распространение исламского радикализма и экстремизма	6
Рост незаконного оборота наркотиков	6
Политика Китая в сфере безопасности	7
3. Фактор усиления присутствия США	8
Появление крупного воинского контингента США	9
Завуалированное политическое вмешательство США	9
Расширение экономического присутствия США	10
Политика Китая в сфере безопасности	10
Заключение	11

Интересы безопасности Китая в Центральной Азии

Владимир Парамонов и Олег Столповский

Введение

Распад СССР сформировал вблизи западных границ Китайской Народной Республики (КНР) новую геополитическую ситуацию, которая достаточно неоднозначно была воспринята в Пекине. С одной стороны, крах Советского Союза открывал перед Китаем новые возможности в плане расширения своего присутствия в Центральной Азии (ЦА). С другой стороны, в Пекине, безусловно, понимали, что формирование обстановки в данном сегменте постсоветского пространства будет сопровождаться болезненными процессами, которые в совокупности с унаследованными проблемами советско-китайского периода могут крайне негативным образом сказаться на безопасности Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) и КНР в целом.

И по сей день Китай рассматривает ситуацию в ЦА не только в качестве новых для себя перспектив, но и как комплекс потенциальных угроз собственной безопасности. Динамика происходящих в Центральной Азии и вокруг нее процессов обуславливает постоянную корректировку Пекином критериев оценки возникающих в регионе угроз своим интересам и, соответственно, алгоритмов реагирования на них. При этом пока одной из принципиально важных составляющих региональной стратегии Китая в сфере безопасности является тесное взаимодействие с Россией.

В целом, рассматривая развитие ситуации в ЦА и вокруг нее в контексте потенциальных угроз безопасности КНР, следует условно выделить три ключевых фактора:

- фактор распада СССР;
- фактор нестабильности в Афганистане;
- фактор усиления присутствия США.

1. Фактор распада СССР

Такое эпохальное событие как распад Советского Союза и образование новых независимых государств коренным образом изменило расстановку сил, интересов в регионе и вокруг него, что само по себе являлось дестабилизирующим фактором для Китая, непосредственно граничащего с тремя центральноазиатскими странами – Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном.

Негативное для Пекина развитие событий могло быть вызвано как проблемами, унаследованными от периода советско-китайских отношений, так и

появлением новых угроз, обусловленных изменением геополитической ситуации в ЦА. В этих условиях для Китая было важно прежде всего не допустить возникновения на своих западных границах очагов напряженности и обострения ситуации в СУАР. Поэтому наибольшую озабоченность у Пекина вызывали следующие потенциальные угрозы:

- неурегулированность погранично-территориальных вопросов;
- высокий уровень военного присутствия в приграничных районах;
- рост проявлений уйгурского сепаратизма.

Неурегулированность погранично-территориальных вопросов

Контурсы границы Китая с Российской Империей общей протяженностью почти в 7500 км формировались несколько веков и в основном были определены к концу XIX века. Однако китайские власти неоднократно выражали несогласие с линией прохождения границы и предъявляли территориальные претензии сначала к Царской России, затем – Советскому Союзу. Спорными считались участки на Дальнем Востоке, в Забайкалье, Средней Азии и Казахстане.¹

Лишь в середине 80-х годов XX века политические перемены, происходившие в Советском Союзе и Китае, привели сначала к смягчению позиций Москвы и Пекина, а затем и достижению соглашения по участкам границы на Дальнем Востоке и в Забайкалье. Однако принятие окончательного решения по западным (среднеазиатским и казахстанским) участкам советско-китайской границы, на которую приходилось около 3200 километров, было прервано событиями 1991 года в Советском Союзе, а затем – распадом СССР.

Наличие неделимитированных участков границы, спорных территорий и отсутствие соответствующей договорно-правовой базы между Китаем и новыми постсоветскими государствами вызывали у Пекина обоснованное беспокойство данной ситуацией, так как она могла привести к возникновению пограничных конфликтов. Но одновременно Китай хотел воспользоваться «благоприятной» обстановкой, возникшей после распада СССР, для достижения максимальной выгоды для себя при решении погранично-территориальных споров.

Высокий уровень военного присутствия в приграничных районах

В результате возникших в начале 60-х годов советско-китайских противоречий и последовавшего затем резкого обострения двусторонних отношений Китай стал рассматриваться как один из «вероятных противников» Советского Союза. Поэтому с конца 60-х годов вдоль всего периметра советско-китайской границы были сосредоточены крупные войсковые группировки ВС СССР.

На территории Казахской, Киргизской и частично – Таджикской ССР, которые граничили с СУАР, дислоцировались войска Среднеазиатского военного округа.² Кроме того, там же располагалась часть ядерного стратегического арсенала СССР, используемого как фактор сдерживания Китая.³ В условиях нерешенности в первой половине 90-х годов погранично-территориальных споров, достаточно высокий уровень концентрации военной силы и наличие ядерного оружия на сопредельной с СУАР территории не могло не вызывать беспокойства Пекина.

Активизация уйгурского сепаратизма

Проблема уйгурского сепаратизма уходит своими корнями глубоко в историю. В конце 80-х – начале 90-х годов в Синьцзяне в очередной раз стала отмечаться активизация деятельности уйгурских сепаратистов, направленная на выход из состава КНР и провозглашение независимого государства «Восточный Туркестан».

Совершенно очевидно, что начавшаяся в Советском Союзе «перестройка», а затем последовавший распад СССР и появление новых независимых государств явились своего рода «катализатором» роста сепаратистских настроений в СУАР. Уже сам факт обретения суверенитета и создания национальных государств этнически и религиозно близких народов Центральной Азии оказал важное влияние на настроения местного населения СУАР, прежде всего уйгуров.

Подобное развитие событий в Синьцзяне и вокруг него вызвало у руководства КНР достаточно серьезную обеспокоенность.⁴ Данная озабоченность подкреплялась еще и опасением возможного повторения исторических прецедентов разыгрывания «уйгурской карты» и поддержки национального сепаратизма со стороны ближайших соседей.⁵ Все это не могло не вызывать тревогу в Пекине, особенно, учитывая наличие в центральноазиатских странах (Казахстане, Кыргызстане и Узбекистане) достаточно многочисленной уйгурской диаспоры, насчитывающей от 300 до 400 тысяч человек.

Политика Китая в сфере безопасности

Сразу после распада СССР, Китай одним из первых объявил о признании новых государств Центральной Азии и установил с ними в начале 1992 года дипломатические отношения.⁶ Причем, с самого начала Пекин взял курс на скорейшее решение проблемных вопросов, затрагивающих интересы безопасности Китая, сделав ставку на развитие сотрудничества с Россией, которая имела огромный исторический опыт присутствия в ЦА.

Урегулирование погранично-территориальных вопросов

В первую очередь, Китай незамедлительно выступил с инициативой возобновления переговоров по погранично-территориальным проблемам, начатым еще в период существования Советского Союза. Для китайского руководства было очевидным, что фундаментальные основы безопасности, целостности и неприкосновенности территории КНР будут обеспечены только тогда, когда будут окончательно определены, четко обозначены и договорно закреплены государственные границы Китая.

Уже в первой половине 1992 года Китай иницирует двусторонние консультации с Казахстаном и Кыргызстаном (Таджикистан в силу начавшегося внутреннего вооруженного противостояния практически выпал из переговорного процесса) по линии прохождения границы и спорным территориям. Параллельно Пекин согласился с предложением Москвы о ведении переговоров по пограничной тематике в многостороннем формате. В сентябре 1992 года в г.Минске (Белоруссия) была сформирована рабочая группа в составе объединенной делегации России, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и делегации Китая (так называемая формула «4 + 1»)⁷. В ходе

переговоров были подтверждены ранее достигнутые договоренности между СССР и КНР по вопросам границы. В последующем Китай зафиксировал с каждой из стран это положение в двусторонних соглашениях.

Снижение уровня военного присутствия

Вопрос снижения уровня военного присутствия в приграничных районах решался параллельно с погранично-территориальными проблемами в рамках рабочей группы формата «4 + 1». Начиная с 1993 года, указанная группа стала работать на постоянной основе. Уже к 1996 году по инициативе Пекина и Москвы были созданы условия для подписания в г.Шанхае главами 5 государств Соглашения «Об укреплении доверия в военной области и в районе границы».⁸ Китай, Россия, Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан уже в рамках «Шанхайской пятерки» договорились об ограничениях, налагаемых на любые военные маневры в приграничных районах, и о необходимости информировать друг друга о действиях войск в пределах 100 км. от границы.

В апреле 1997 года в г.Москве также в формате «4+1» был подписан второй важный для Китая документ – Соглашение «О взаимном сокращении вооруженных сил в пограничных районах», в соответствии с которым вводились предельные количественные уровни для сухопутных войск и авиации в 100 километровой демилитаризованной зоне. Причем ограничения были установлены таким образом, что 130 тысячной группировке вооруженных сил КНР, дислоцирующейся в СУАР, могла «противостоять» аналогичная по численности, но только объединенная группировка России, Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана.⁹

В целом достигнутые в г.Шанхае и г.Москве договоренности позитивно стимулировали, во-первых, процесс урегулирования пограничных вопросов; во-вторых, расширение сотрудничества Китая с центральноазиатскими государствами; в-третьих, формирование стратегического альянса между Пекином и Москвой.

Борьба с уйгурским сепаратизмом

С целью пресечения снабжения уйгурских сепаратистских группировок в СУАР извне, в том числе из ЦА, в начале 90-х годов Китай усилил режим охраны границы и ужесточил въезд на свою территорию. Было увеличено количество пограничных нарядов и постов. На маршрутах перемещения «челноков», которые с распадом СССР в массовом порядке стали посещать СУАР, спецслужбы Китая установили жесткий контроль.

Параллельно, благодаря предпринятым в период начала-середины 90-х годов усилиям политического и дипломатического характера, Пекину удалось заручиться поддержкой центральноазиатских стран в необходимости борьбы с этническим сепаратизмом.¹⁰ Тезисы о запрещении деятельности уйгурских сепаратистских организаций на территории государств ЦА неизменно озвучивались китайскими официальными лицами в ходе переговоров на самых различных уровнях и затем включались в документы, регламентирующие двусторонние отношения.

Борясь с уйгурским сепаратизмом, Пекин предпринимал усилия и на многосторонней основе. В 1996 году по инициативе Китая и с согласия России

в рамках «Шанхайской пятерки» на обсуждение был поставлен «уйгурский вопрос», по которому была выработана и документально закреплена общая позиция. Уже в июле 1998 года на Алматинском саммите главы государств «Шанхайской пятерки» подтвердили неприятие любых проявлений национального сепаратизма и необходимость запрещения сепаратистской деятельности на своих территориях.

В целом можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что в результате активных шагов, а порой дипломатического давления Китая на ряд государств региона, в 90-х годах была принята и по настоящее время проводится согласованная между КНР и странами ЦА политика в отношении проблемы уйгурского сепаратизма. Тем более, что в конце 90-х годов руководство Китая принципиально изменило подходы к этой проблеме и стало рассматривать ее не только как «чисто» внутреннее явление, но и как составную часть международного террористического движения, борьба с которым требует совместных усилий.

2. Фактор нестабильности в Афганистане

В конце 90-х годов непрекращающиеся вооруженные столкновения между противоборствующими группировками в Афганистане и хаос, царящий в стране, начали оказывать все более негативное воздействие на обстановку как в ЦА, так и в СУАР.

Если в первой половине 90-х годов события в Афганистане не оказывали существенного влияния на Китай, то с появлением на афганской военно-политической сцене Движения «Талибан» положение дел стало заметно меняться. Успехи талибов в вооруженном противоборстве с другими афганскими группировками и захват ими власти в стране во второй половине 90-х годов создали крайне благоприятные условия для активизации на территории Афганистана различного рода экстремистских сил. Это, в свою очередь, стало оказывать все более негативное воздействие непосредственно на ситуацию в ЦА и СУАР.

В этой связи, для Китая на первый план выходит борьба с новыми угрозами:

- международным терроризмом;
- исламским радикализмом и экстремизмом;
- незаконным оборотом наркотиков.

При этом принципиально важно и то, что с 2001 года борьба Китая с данными угрозами напрямую связана с фактором присутствия США в ЦА и Афганистане.

Активизация международного терроризма

Во второй половине 90-х годов сохраняющаяся в Афганистане нестабильность привела к концентрации на афганской территории различных экстремистских группировок, пользующихся всесторонней поддержкой «Аль-Каиды». Это превратило страну в плацдарм международного терроризма.

Отмечается появление в Афганистане и членов уйгурских группировок из СУАР, которые стали приобретать военный опыт, участвуя в боевых действиях на стороне талибов, а также проходя подготовку в лагерях «Аль-Каиды».¹¹ Возвращаясь в Синьцзян, они принимали самое активное участие в вооруженных акциях против представителей китайских властей, а также выступали в качестве инструкторов в учебно-тренировочных базах, созданных в труднодоступных районах КНР. При этом основным методом борьбы уйгурских боевиков стал террор. Руководство уйгурских сепаратистов не без оснований считало, что Движение «Талибан» и «Аль-Каида» представляют реальную силу, способную оказать действенную помощь в создании независимого исламского государства. Помимо СУАР, уйгурские боевики использовали полученный в Афганистане опыт и на территории стран ЦА, а также в Чечне, в отрядах международного террориста Хаттаба.

Распространение исламского радикализма и экстремизма

«Талибанизация» Афганистана стала основной причиной еще более активного распространения как в ЦА, так и непосредственно в Синьцзяне различного рода радикальных исламистских организаций,¹² в первую очередь партии «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами»¹³ и группировки «Исламское Движение Узбекистана» (ИДУ). Угроза исламского радикализма и экстремизма представлялась для Пекина реальной, поскольку из примерно 17 млн. человек, населявших тогда СУАР, более 60% всего населения района (около 10,5 млн. человек) исповедовали ислам.¹⁴ Серьезную обеспокоенность у руководства Китая вызвали также попытки прорыва на территорию Узбекистана и Кыргызстана в 1999 и 2000 годах боевиков ИДУ, поддержанных «Аль-Каидой». Сценарий развала существующих светских режимов в странах центральноазиатского региона и прихода там к власти радикальных исламистов ни в коей мере не мог устраивать Пекин. Подобное развитие событий могло привести к дестабилизации ситуации в Синьцзяне, что, в свою очередь, несло реальную угрозу территориальной целостности Китая.

Рост незаконного оборота наркотиков

Еще в начале 90-х годов Афганистан превратился в крупнейшего мирового производителя и поставщика опия и героина. Но если в тот период наркотрафик из Афганистана практически не затрагивал Китай, для которого основную угрозу тогда представлял район «Золотого треугольника» в Юго-Восточной Азии, то уже со второй половины 90-х годов ситуация существенно изменилась. Поток наркотиков из Афганистана в северном направлении через страны ЦА заметно увеличился.

При этом территория китайского Синьцзяна все активнее использовалась для международного наркотрафика – афганский героин стал поступать как непосредственно в КНР, так и транзитом через СУАР в российские регионы (Сибирь и на Дальний Восток). Кроме этого, афганские наркосиндикаты стали закупать в Синьцзяне прекурсоры (сырье, используемое при производстве из опия героина).

Сегодня наркоэкспансия из Афганистана приобрела еще большие масштабы. Производство наркотиков в Афганистане после прихода туда в 2001 году войск антитеррористической коалиции резко увеличилось. Официальный Кабул и поддерживающие его зарубежные воинские формирования не способны

исправить данную ситуацию.¹⁵ Поток афганских наркотиков в ЦА и КНР продолжает расти, что представляет все более серьезную угрозу безопасности.

Политика Китая в сфере безопасности

В конце 90-х годов, по мере нарастания воздействия на СУАР и ЦА негативных факторов, обусловленных перманентной военно-политической ситуацией в Афганистане, Китай существенно интенсифицировал сотрудничество с Россией и странами региона. Угрозы, исходящие из Афганистана, стали рассматриваться в комплексе, поскольку «подпитывали» друг друга. При этом Пекин сделал ставку на формирование стратегического тандема с Москвой.

Активизации сотрудничества Китая с Россией по вопросам безопасности в ЦА способствовало еще и то, что с 1996 года, после прихода в российский МИД Е.Примакова, во внешней политике Кремля произошли существенные изменения: значительно усилился восточный вектор. Россия выразила намерение развивать стратегическое партнерство с Китаем, что было официально озвучено в 1996 году на российско-китайском саммите в г.Москве во время визита председателя КНР Цзянь Цземиня.

В августе 1999 года на Бишкекском саммите «Шанхайской пятерки» Пекин и Москва призвали к скорейшему формированию договорно-правовой базы и созданию механизмов взаимодействия правоохранительных органов и спецслужб по пресечению террористических и экстремистских проявлений, оперативному реагированию и обмену информацией. Уже в декабре 1999 года в г.Бишкеке состоялась встреча руководителей правоохранительных органов и спецслужб Китая, России, Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана, на которой был подписан Меморандум «Об организации практического взаимодействия» указанных структур.

Еще более тесное сотрудничество между Пекином и Москвой в Центральной Азии по вопросам обеспечения безопасности началось после прихода к власти в России В.Путина. Важным достижением китайско-российского тандема явилось создание в июне 2001 года на базе «Шанхайской пятерки» и с участием Узбекистана новой многопрофильной международной организации – Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Уже 15 июня 2001 года в рамках ШОС была подписана Конвенция «О борьбе с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом». Данная конвенция предусматривала еще более тесное взаимодействие государств – членов, а также предполагала возможное последующие присоединение к сотрудничеству других стран.

В итоге, Пекину не только удалось достичь стратегических договоренностей со своими соседями, но и самому стать одним из ключевых элементов формирующейся системы региональной безопасности. Важно, что, взяв курс на активизацию отношений с Россией и странами ЦА, Китай сделал серию шагов по развитию военного сотрудничества как в рамках ШОС, так и в двустороннем формате. В период 90-х годов Пекин проявлял в этом вопросе определенную сдержанность, ограничиваясь лишь изучением общих подходов и протокольными мероприятиями. Однако после попыток вооруженного прорыва боевиков ИДУ на территорию Узбекистана и Кыргызстана в период 1999-2000 годов, Китай начал оказывать центральноазиатским государствам конкретную военную помощь.

В частности, в апреле 2000 года в ходе визита казахстанского министра обороны в Китай, была достигнута договоренность о предоставлении Казахстану безвозмездной военно-технической помощи в размере 1 млн. долларов.¹⁶ Летом 2000 года Китай в экстренном порядке поставил Узбекистану военно-технические средства и снаряжение для антитеррористических подразделений. Аналогичная помощь была оказана и Кыргызстану. В ходе же визита военной делегации Китая в Таджикистан китайские представители даже выразили желание направить туда подразделения Национально-освободительной армии Китая (НОАК) «для отражения возможного прорыва боевиков экстремистских группировок из Афганистана».¹⁷

По мере развития сотрудничества Китай постепенно расширял масштабы оказания военной помощи. В частности, 5 марта 2002 года в г.Бишкеке министром обороны Кыргызстана и заместителем начальника Генерального штаба НОАК было подписано соглашение о выделении Кыргызстану дополнительной военно-технической помощи на сумму около 1,2 млн. долларов. В октябре 2002 года прошли первые в истории сотрудничества двух стран совместные китайско-кыргызские военные учения по отработке взаимодействия при отражении условно прорвавшихся террористических групп.¹⁸ В августе 2003 года в сопредельных районах Китая и Казахстана состоялись первые уже в рамках ШОС совместные антитеррористические учения «Взаимодействие – 2003», в которых участвовало свыше 1000 военнослужащих Китая, России, Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана, а также была задействована тяжелая боевая техника и авиация. В августе 2007 года на российском полигоне «Чебаркуль» в Челябинской области состоялись беспрецедентные по своим масштабам военные учения «Мирная миссия – 2007», в которых только со стороны Китая приняли участие более 1,7 тысячи военнослужащих из состава НОАК КНР.

В целом, характер активности Китая указывает на то, что Пекин продолжает проявлять озабоченность в отношении угроз, исходящих из нестабильного Афганистана и считает, что события в этой стране по-прежнему могут негативным образом влиять на ситуацию в КНР. Не случайно, что с 2005 года в рамках ШОС при активном участии китайских представителей функционирует контактная группа «ШОС – Афганистан», которая позволяет проводить консультации по афганской проблематике непосредственно с официальными лицами Афганистана. Важно то, что в августе 2007 года в г.Бишкек на саммит государств – членов ШОС в очередной раз был приглашен президент Афганистана Х.Карзай.

3. Фактор усиления присутствия США

До 2001 года присутствие США в ЦА (в отличие, например, от Восточной Европы и Кавказа) носило в основном экономический характер и воспринималось в Пекине относительно спокойно.¹⁹ Руководство КНР «в принципе, устраивали подходы Вашингтона, направленные на развитие рыночных преобразований в странах Центральной Азии».²⁰ Однако события 11 сентября 2001 года и последовавшая за этим под эгидой Вашингтона антитеррористическая операция в Афганистане привели к кардинальному усилению присутствия Соединенных Штатов, что изменило расстановку сил в регионе в невыгодной для Пекина конфигурации.

Более того, так называемая «цветная революция» в Кыргызстане и события в Узбекистане в 2005 году лишь подтвердили опасения руководства Китая в отношении «реальных планов Вашингтона» в ЦА и возможности влияния на ситуацию в потенциально опасном для Пекина направлении. Соответственно произошел пересмотр Китаем системы приоритетов в оценке угроз интересам своей безопасности. На первый план для Пекина вышли угрозы, так или иначе обусловленные масштабным присутствием США:

- появление крупного воинского контингента США в регионе;
- завуалированное политическое вмешательство США;
- расширение экономического присутствия США.

Появление крупного воинского контингента США

В Пекине с нескрываемым беспокойством восприняли то обстоятельство, что на западных рубежах Китая, в Узбекистане и Кыргызстане, впервые появился крупный американский воинский контингент. Этих сил, учитывая базы в Афганистане, по мнению экспертов, было вполне достаточно, чтобы в случае необходимости провести локальную военную операцию и держать под контролем западные районы Китая, в первую очередь в СУАР,²¹ где находится ряд стратегически важных объектов, в том числе полигон «Лобнор» для испытания китайского ракетно-ядерного оружия. При этом Вашингтон существенно активизировал военное сотрудничество с государствами региона, что привело к подрыву сплоченности внутри ШОС и некоторому политическому «дрейфу» ряда государств – членов Организации в сторону США.

Более того, в стратегическом плане военное присутствие Соединенных Штатов в ЦА и Афганистане рассматривалось Пекином в качестве возможного рычага военно-политического воздействия на Китай как на потенциального соперника не только в данном регионе, но и в мире в целом. Это, в свою очередь, побуждало руководство Китая смотреть на данную проблему в контексте проводимой Вашингтоном политики формирования однополярной модели миропорядка, что противоречило позиции Китая по вопросам глобальной безопасности.²²

Завуалированное политическое вмешательство США

Американское военное присутствие в регионе, в свою очередь, привело к расширению политического влияния США на центральноазиатские государства. Для осуществления контроля над обстановкой в Центральной Азии Вашингтон, используя финансовые и политические рычаги,²³ мог «расшатать» здесь ситуацию в рамках алгоритма так называемых «цветных революций». События в Кыргызстане и Узбекистане весной 2005 года Китай расценил как крайне опасный для себя сценарий развития событий, за которым явно просматривалось стремление США окончательно закрепиться в ЦА. Это, по мнению Пекина, давало Вашингтону в дальнейшем потенциальную возможность оказывать все более значительное воздействие на социально-политическую ситуацию в СУАР КНР путем разыгрывания «уйгурской карты» под лозунгами продвижения демократии.

Расширение экономического присутствия США

Экономическое присутствие США в Центральной Азии обозначилось еще в середине 90-х годов, когда Вашингтон обратил внимание на богатый углеводородами Каспийский регион. В самих центральноазиатских странах активизировалась деятельность американских компаний, в основном связанных с нефтегазовой сферой. Именно на тот период приходится лоббирование Соединенными Штатами проектов транспортировки углеводородного сырья из ЦА через Каспийское море, Кавказ и далее в Турцию, и через Афганистан в Пакистан. Однако Пекин тогда не проявлял особой обеспокоенности деятельностью США в регионе, поскольку диверсификация углеводородного экспорта и в целом развитие рыночных отношений в странах региона под «контролем» Вашингтона не мешало (а где-то даже помогало) Китаю постепенно осваивать Центральную Азию.

Однако политика, проводимая США после 11 сентября 2001 года под лозунгом единства действий всех стран мира против международного терроризма, отчетливо продемонстрировала Пекину, что Вашингтон не прочь кардинально расширить свое экономическое присутствие. При этом, как представляется, особое опасение в Китае вызывали попытки США взять под контроль стратегические отрасли промышленности стран региона. В последующем, закрепившись в ЦА и опираясь на свою экономическую мощь, Соединенные Штаты путем финансовых вливаний могли бы получить возможность влиять на политическую и экономическую ситуацию в данном сегменте постсоветского пространства в выгодном для себя направлении.

Политика Китая в сфере безопасности

Пекин достаточно спокойно, грамотно и адекватно отреагировал на возникшую к концу 2001 года в Центральной Азии новую ситуацию и продемонстрировал готовность применять всю полноту имеющегося у него потенциала для обеспечения безопасности своих интересов в регионе.

После появления американских баз на территории Кыргызстана и Узбекистана (стран – членов ШОС) Китай в целях обеспечения безопасности границ на центральноазиатском и афгано-пакистанском направлениях усилил войсковую группировку в СУАР. Одновременно Пекин активизировал развитие сотрудничества с государствами ЦА по вопросам безопасности с целью создания более устойчивых схем и выработки практических алгоритмов взаимодействия.

Основной акцент в реализации своей стратегии Пекин сделал на усилении ШОС, как своеобразного противовеса американскому присутствию в регионе и в целом механизма реализации здесь интересов Китая. В первую очередь потребовалось расширить и сделать более эффективной договорно-правовую базу регионального сотрудничества в рамках ШОС. На состоявшемся в июне 2002 года в г.Санкт-Петербурге саммите по инициативе Китая и России была принята Хартия Организации, которая предусматривала права и обязанности ее членов, учитывая новую ситуацию в ЦА и вокруг нее. Не случайно, что в тексте этого документа одним из ключевых было положение о «недопущении любых противоправных действий, направленных против интересов ШОС, а также о принятии соответствующих мер воздействия в отношении государств – членов ШОС, нарушающих требования достигнутых соглашений».²⁴ Причина акцентирования внимания на этих аспектах была обусловлена некоторым

снижением интереса центральноазиатских государств к сотрудничеству с Китаем и Россией в рамках ШОС.

В период «цветных революций» на постсоветском пространстве четко обозначилась устойчивая тенденция по дальнейшему сближению Пекина и Москвы, что было основано на близости оценок ситуации в ЦА и в мире в целом. Именно Китай и Россия выступили за расширение состава участников ШОС для усиления потенциала ШОС и придания ей большего международного веса. В 2004 и 2005 годах в состав Организации на правах наблюдателей вошли Монголия, Иран, Пакистан и Индия. При этом заявка США на вступление в ШОС в качестве наблюдателя даже не рассматривалась. Более того, Пекин и Москва инициировали на саммите в г.Астане (июнь 2005 года) принятие декларации по поводу сроков пребывания американских баз в регионе.

Одновременно Пекин взял курс на развитие политической и экономической составляющих ШОС: всестороннее углубление отношений с государствами ЦА за счет поддержки политических режимов и участия в крупных экономических проектах. С 2005 года Пекин внес целый ряд практических предложений по стимулированию экономического сотрудничества со странами региона. Данные инициативы предусматривают создание зоны свободной торговли и региональной инфраструктуры в рамках ШОС, способствующих стабильному росту взаимной торговли товарами и услугами, сокращению и постепенному устранению нетарифных барьеров, реализации крупных проектов на транспорте, в энергетике, телекоммуникациях, сельском хозяйстве, легкой и текстильной промышленности.

Сделав ставку на ШОС, Китай приступил и к реализации программы развития сотрудничества в двухстороннем формате, в том числе в военной сфере (хотя последнее особо не афишируется). Причем, характерно, что военная политика Пекина строится избирательно. Как свидетельствуют факты, это во многом обуславливается перспективностью и степенью реализации крупных экономических проектов в конкретной центральноазиатской стране. Наглядным тому подтверждением являются озвученные в ноябре 2007 года планы Китая поставить в 2008 году для туркменской армии военное имущество. Для этого выделяется беспроцентный кредит в размере около 3 млн. долларов.²⁵ Примечательно, что решение о предоставлении военно-технической помощи Туркменистану последовало сразу же после подписания Пекином и Ашгабатом генерального соглашения о реализации к 2009 году проекта газопровода между двумя странами, по которому в Китай на протяжении 30 лет будет поступать до 30 млрд. кубометров газа в год.

Заключение

Резкое изменение геополитической конфигурации в Центральной Азии и вокруг нее в начале 90-х годов в значительной степени стало неожиданностью для Китая. Это, в свою очередь, обусловило отсутствие у руководства КНР в тот период определенной ясности относительно политики в регионе, в том числе в сфере безопасности. В последующем динамика происходящих в Центральной Азии и вокруг нее процессов предопределяла постоянную корректировку критериев оценки Китаем факторов угроз интересам своей безопасности и, соответственно, механизмов и алгоритмов реагирования на них. В Пекине четко понимали, что именно конструктивное сотрудничество со странами

Центральной Азии в плане обеспечения стабильности в регионе являются залогом безопасности самого Китая. Основные усилия Пекин сосредоточил на решении проблем, унаследованных от китайско-советского периода отношений, а также проявившихся в результате краха Советского Союза. Одновременно, благодаря настойчивости Пекина, была принята и по настоящее время проводится согласованная между КНР и государствами ЦА политика в отношении проблемы уйгурского сепаратизма.

Однако, в конце 90-х годов, в период, когда Пекин стал все в большей степени проявлять интерес к ресурсному и транзитному потенциалу ЦА, нарастает негативное воздействие на регион и СУАР КНР военно-политической ситуации в Афганистане. В этих условиях Китай сделал стратегическую ставку на тандем с Россией.

Базовые элементы стратегии Пекина по защите своих интересов в Центральной Азии в настоящее время в целом концептуально определились. Сама же стратегия заключается в том, чтобы, опираясь на ШОС и в тесном партнерстве с Россией участвовать в решении комплекса проблем безопасности, стремиться к развитию тесных отношений со странами ЦА, обеспечить реализацию своих стратегических целей, которые прежде всего касаются недопущения дальнейшего усиления присутствия США и их союзников, освоения богатых природных ресурсов Центральной Азии.

Очевидно, что «косовский прецедент» и волнения в Тибете в еще большей степени подтолкнули Китай к поиску новых, в том числе ассиметричных решений по защите интересов своей безопасности на региональном и глобальном уровнях, в целом приведут к усилению для Пекина значения ЦА, ШОС и России.

Примечания

¹По оценке российских экспертов, в Китае издавна существовала концепция, согласно которой земли, некогда входившие в состав Китайского государства или находившиеся в любой степени зависимости от него, считались частью его территории. Если в процессе исторического развития данные земли приобретали самостоятельность или входили в состав других государств, они рассматривались как «утраченные» территории. В Пекине полагали, что Царская Россия по «неравноправным» договорам «отторгла» значительные китайские земли, и Советский Союз еще присвоил себе ряд земель общей площадью около 33 тысяч кв. км. (Пограничная политика КНР / Информационно-справочный портал «ChinaStar» (Россия), <http://www.chinastar.ru/rus/1/5/5/>)

²Среднеазиатский военный округ (САВО) как самостоятельное оперативно-стратегическое объединение был выделен из состава Туркестанского военного округа в 1969 году после вооруженных столкновений на границе в районе Жаланашколь. К моменту распада СССР на территории Казахстана и Кыргызстана на «китайском направлении» располагалась группировка советских войск в составе: штабов 40-й Армии (выведен из Афганистана в 1989 году) и 1-го Армейского корпуса; 68-й мотострелковой дивизии; 78-й танковой дивизии; 37-й воздушно-десантной бригады; 44-й ракетной бригады; 645-го артиллерийского полка; 962-го реактивно-артиллерийского полка; трех крупных баз хранения техники – 5202, 5203 и 5204; корпуса ПВО; корпуса ВВС. САВО превосходили по боевому потенциалу войска Ланьчжоуского и Синьцзянского военных округов НОАК, дислоцирующихся в СУАР.

³В Казахстане было размещено 104 ракеты СС-18 стационарного базирования с 1400 ядерными боеголовками, а также 240 крылатых ядерных ракет (М.Ш.Губайдулина, Б.Ж.Сомжурек. Формирование правовой базы военно-политического сотрудничества между Республикой Казахстан и Российской Федерацией / Информационно-аналитический центр Московского государственного университета (Россия). – Москва,

22 августа 2007 года), <http://www.gzt.ru/business/2007/08/22>). До 1993 года Казахстан формально являлся страной, имеющей ядерное оружие. В 1993 году, ратифицировав Договор «О сокращении наступательных вооружений» (СНВ-1) и Лиссабонский протокол к Договору «О нераспространении ядерного оружия», Казахстан официально отказался от ядерного статуса. Окончательно вопрос о ядерном оружии был урегулирован после подписания Россией и Казахстаном 28 марта 1994 года специального Соглашения «О стратегических ядерных силах, временно расположенных на территории Казахстана». После окончательного вывода с казахстанской территории ядерного оружия Китай, наряду с Россией, США и Францией заявил о предоставлении Казахстану гарантий безопасности.

⁴По данным российского (ранее – казахстанского) эксперта Виталия Хлюпина, в связи с неспокойной обстановкой в СУАР на заседании Политбюро ЦК КПК осенью 1991 года говорилось о том, что «Синьцзян может стать базой сил, преследующих цель свержение социалистического строя на территории всей страны». Войска, дислоцированные в СУАР, были приведены в состояние повышенной боевой готовности, а местным органам власти автономного района в качестве главной задачи на 1992 год было определено «подавление сепаратизма» (В.Хлюпин. Треугольник геополитического взрыва: Казахстан – Китай – Россия. – Международный Евразийский институт экономических и политических исследований. – Вашингтон, 1999 год, http://www.iicas.org/AIBOLIT/publ_Vtr_5.htm).

⁵В конце 40-х годов руководство Казахской ССР инициировало в ЦК КПСС вопрос о создании Уйгурской автономной области на территории республики, для того чтобы содействовать освободительному движению в Синьцзяне, тогда контролируемом правительством Чан Кайши (Национальная партия «Гоминьдан»). Указанная область должна была служить своего рода тыловой базой для провозглашенной уйгурами на части Синьцзяна в 1944 году Восточно-Туркестанской Республики. Позже, в начале 60-х годов, когда наступило охлаждение советско-китайских отношений, по решению ЦК КПСС в восточных районах Казахской ССР было создано несколько поселений для уйгуров из СУАР, которые затем привлекались соответствующими структурами для ведения антикитайской пропаганды.

⁶Дипломатические отношения с государствами ЦА были установлены в следующей последовательности: с Узбекистаном – 2 января 1992 года, с Казахстаном – 3 января 1992 года, с Таджикистаном – 4 января 1992 года, с Кыргызстаном – 5 января 1992 года, с Туркменистаном – 6 января 1992 года.

⁷Для всех новых государств, исключая Россию, такой формат был принципиально важным условием: страны ЦА не имели нужных для этого архивов, правовых, методических, исторических и других документов. Формат «совместной делегации» позволил Кыргызстану, Казахстану и Таджикистану получить от российского МИДа необходимые документы и соответствующие протоколы советско-китайских переговоров.

⁸Первая статья этого соглашения предусматривает следующее положение: «Вооруженные силы сторон, дислоцированные в районе границы, как составная часть вооруженных сил сторон, не будет использоваться для нападения на другую сторону, вести какую-либо военную деятельность, угрожающую другой стороне и нарушающую спокойствие и стабильность в районе границы» (Е.Оразалин. ШОС: основы формирования, проблемы и перспективы. Пути совершенствования механизмов сотрудничества. – Институт мировой экономики и политики при Фонде Первого президента Республики Казахстан. – Алматы, 2007 год. – С.59-60).

⁹В.Хлюпин. Там же.

¹⁰В сентябре 1995 года в ходе визита казахстанского президента Н.Назарбаева в Пекин лидер Казахстана согласился подписать совместное с председателем КНР Цзянь Цзэмином заявление, в котором говорилось, что обе страны «выступают против национального сепаратизма в любой форме и не позволят каким-либо организациям и силам участвовать в подобной сепаратистской деятельности, направленной против другой стороны» (С.И.Лунев. Роль внешних факторов в Центральной Азии. – Личная интернет-страница, <http://www.ufalaw.narod.ru/4/mp/lunev/Lunev-glava5.htm>)

¹¹В ноябре 2001 года вице-премьер Госсовета КНР Цянь Цичэнь сообщил представителям ООН, что около 1000 китайских мусульман проходили обучение в

лагерях «Аль-Каиды» в Афганистане и Пакистане, а около 100 уйгуров непосредственно воевали на стороне талибов (К.Л.Сыроежкин. Проблемы современного Китая и безопасность в Центральной Азии. – Алматы. 2006 год. – С.246).

¹²По мнению казахстанских экспертов, с начала 90-х годов в странах Центральной Азии с той или иной степенью активности стали действовать представители следующих организаций радикального толка: «Братья-мусульмане», сеть групп которых прикрывается названиями «Общество социальных реформ»; «Комитет исламского призыва», «Аль-Игаса»; «Комитет мусульман Азии»; «ХАМАС»; религиозное течение «Акромия» в Узбекистане; «Центр исламского развития» в Кыргызстане; «Адолат уюшмасы»; экстремистское течение «Товба» (ЦентрАзия и террористические организации – год 2004 (обзор) / Газета «Gazeta.kz» (Казахстан), 5 августа 2004 года).

¹³Факты ведения пропагандистской работы на территории СУАР с призывами установления «халифата», подтверждаются показаниями ряда функционеров «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», задержанных правоохранительными органами Узбекистана в 1999 и 2000 годах. Из изъятых у них документов следует, что в десяти основных городах Синьцзяна были созданы первичные ячейки этой религиозной организации. Только в административном центре автономного района – г.Урумчи подрывную работу вели более 20 руководителей среднего звена и около 150 рядовых членов (Информационное агентство «ИТАР-ТАСС» (Россия), 30 июля 2000 года).

¹⁴По оценке российских экспертов, перегибы в конфессиональной политике, допущенные в годы культурной революции в Китае, вызывали протест со стороны мусульманского населения СУАР и обуславливали рост там числа сторонников исламского радикализма. Возросшая во всем мире в конце 80-х годов политизация ислама способствовала зарождению в Синьцзяне нелегальных мусульманских организаций и сект, которые наряду с уйгурским сепаратистским движением стали активно выступать против политики Пекина. В начале 1990 года местные исламисты объявили о начале священной войны – «джихада». Таким образом, в китайском Синьцзяне образовался своего рода симбиоз исламского радикализма и уйгурского сепаратизма, общей целью которого являлось создание независимого государства (От Синьцзяна до Кашмира / Журнал «Новое время» (Россия). – Москва, № 40, 1999 год).

¹⁵А.Лукин. Шанхайская организация сотрудничества: что дальше / Журнал «Россия в глобальной политике» (Россия). – Москва, № 3, 2007 год.

¹⁶И.Комиссина, А.Куртов. Китай и Центральная Азия: проблемы и перспективы сотрудничества / Новая Евразия: Россия и страны ближнего зарубежья. – Российский институт стратегических исследований. – Москва. 2003. – С.31.

¹⁷И.Комиссина, А.Куртов. Там же.

¹⁸Китай оказывает военную помощь Бишкеку / Ежедневник «Военно-промышленный курьер» (Россия), № 17, 12-18 мая 2004 года, http://www.vpk-news.ru/article.asp?pr_sign=archive.2004.34.articles.weapon_01

¹⁹Рассматривая американское присутствие в регионе как фактор потенциальной угрозы безопасности Китая, необходимо учитывать двойственный характер отношений между КНР и США, в основе которых по-прежнему лежит симбиоз опасений и взаимной выгоды (В.Михеев. Проблемы безопасности во внешней политике Китая / Проблемы национальной безопасности во внешней политике Китая. – Институт мировой экономики и международных отношений РАН. – Москва, 2005 год. – С.14-15).

²⁰К.Л.Сыроежкин. Проблемы современного Китая и безопасность в Центральной Азии. – Алматы, 2006 год. – С.197.

²¹К.Л.Сыроежкин. Там же. – С.245.

²²В.Михеев. Там же. – С.14-15.

²³По данным газеты «Нью-Йорк таймс» от 4 декабря 2005 года, за 2005 финансовый год США потратили на «продвижение демократии» (в том числе финансирование неправительственных организаций и независимых СМИ) в странах Центральной Азии свыше 75,5 млн. долларов.

²⁴К.Л.Сыроежкин. Там же. – С.215.

²⁵Китай вооружит и оденет туркменских солдат на \$3 млн / «Независимая газета» (Россия), 29 ноября 2007 года,

<http://www.centrasia.ru/newsA.php4?st=11962839>

Владимир Владимирович Парамонов и Олег Анатольевич Столповский – независимые эксперты, г.Ташкент, Республика Узбекистан.

Технический редактор и корректор – Оксана Николаевна Строкова, г.Ташкент, Республика Узбекистан.

Полезные ресурсы

В.Парамонов. Китай и Центральная Азия: состояние и перспективы экономических отношений. – Центр конфликтных исследований Академии Вооруженных Сил Великобритании, май 2005 года,
<http://www.defac.ac.uk/colleges/csrc/document-listings/ca/>

В.Парамонов и А.Строков. Отношения между Россией и Китаем: история, современность и будущее. – Центр конфликтных исследований Академии Вооруженных Сил Великобритании, сентябрь 2006 года,
<http://www.defac.ac.uk/colleges/csrc/document-listings/ca/>

В.Парамонов и А.Строков. Экономическое присутствие России и Китая в Центральной Азии. – Центр конфликтных исследований Академии Вооруженных Сил Великобритании, май 2007 года,
<http://www.defac.ac.uk/colleges/csrc/document-listings/ca/>

Disclaimer

The views expressed in this paper are entirely and solely those of the authors and do not necessarily reflect official thinking and policy either of Her Majesty's Government or of the Ministry of Defence.

ISBN 978-1-905962-52-5

Published By:

**Defence Academy of the
United Kingdom**

Advanced Research and Assessment Group

Defence Academy of the UK
Block D, JSCSC
Shrivenham
SN6 8TS
England

Telephone: (44) 1793 788856

Fax: (44) 1793 788841

Email: arag@da.mod.uk

<http://www.defac.ac.uk/colleges/arag>

ISBN 978-1-905962-52-5